

Музыка как организующий принцип

Тем временем, однако, мы обратимся к истории классического анархизма в преломлении концепции ВАЗ. До того как произошло «завершение карты», немалое количество антиавторитарной энергии было израсходовано на построение «эскапистских» коммун, как, например, «Новые времена», всевозможные фаланстеры и т.п. Что интересно, некоторые из них не задумывались о том, чтобы «сохраниться в веках», а поддерживались только до тех пор, пока проект не переставал вдохновлять его участников. По социалистическим/утопическим стандартам, эти эксперименты считаются «неудачными», и поэтому информации о них сохранилось немного.

Когда бежать за фронтир стало невозможно, в Европе наступила эра революционных городских коммун. Коммуны Парижа, Лиона и Марселя просуществовали слишком недолго, чтобы у них могли появиться какие-нибудь устойчивые характеристики, и поневоле задаёшься вопросом, было ли так и задумано. С нашей точки зрения, более всего завораживает сам дух этих коммун. В те годы, как и впоследствии, анархисты начали применять тактику революционного номадизма, кочуя от одного бунта к другому и пытаясь поддерживать в себе ту степень духовной интенсивности, что пробуждается в людях в моменты восстания. Фактически, некоторые анархисты штирнерианского/ницшеевского толка стали рассматривать эту тактику как самоцель, как способ *постоянной оккупации автономной зоны*, интерзоны, что открывается в самый разгар войны и революции (ср. с «зоной» Пинчона в его «Радуге земного тяготения»). Они объявили, что в случае успеха какой-нибудь социалистической революции они будут первыми, кто восстанет против неё. Они не намеревались складывать оружие вплоть до момента вселенского триумфа анархии. В России 1917 года они радостно приветствовали декрет о создании свободных советов: *в этом* они видели свою цель. Но стоило большевикам предать революцию, анархо-индивидуалисты первыми ступили на тропу войны. И, конечно, после Кронштадта анархисты *единогласно* принялись обличать «Советский Союз» (взаимоисключающие понятия) и приступили к поискам путей для новых восстаний.

Изначально махновская Украина и анархистская Испания задумывались как проекты *долгосрочные*, и, несмотря на все трудности, сопряжённые с непрекращающейся войной, можно сказать, что оба эти проекта были достаточно успешными: не то чтобы им удалось продержаться «достаточно долго», однако они смогли достигнуть необходимого уровня организации и имели бы неплохие перспективы, если бы дело не дошло до внешней агрессии. Таким образом, среди всех экспериментов, предпринятых в период между двумя мировыми войнами, в этой статье я рассмотрю лишь полубезумную республику Фиуме, поскольку её история не так хорошо известна публике и, вдобавок, этот проект с самого начала *не задумывался* как долговременный. Габриеле д'Аннунцио — поэт, декадент,

художник, музыкант, эстет, сердцеед, пионер-воздухоплаватель и сорвиголова, чернокнижник, гений и грубиян — вышел на сцену во время Первой мировой войны, на которой он прославился как герой и командующий небольшой личной армией, «ардити». В отчаянном поиске приключений он решил захватить город Фиуме, находившийся на территории Югославии, чтобы подарить его Италии. Проведя в Венеции некромантическую церемонию с участием своей дамы сердца, он отправился на завоевание Фиуме и одержал достаточно лёгкую победу. Однако Италия отвергла столь щедрый дар, а премьер-министр обозвал его глупцом.

Выйдя из себя, д'Аннунцио решил провозгласить независимость и посмотреть, как долго это будет сходить ему с рук. Вместе с одним из своих приятелей-анархистов он сочинил конституцию, в которой *основополагающим принципом государства объявлялась музыка*. Моряки, служившие в военно-морском флоте (собранные из дезертиров и матросов из числа миланских анархо-синдикалистов) называли себя «ускоками» — так в старину называли себя пираты, населявшие местные острова и промышлявшие грабежом венецианских и османских судов. Современные ускоки тоже могли похвастаться кое-какими успехами: ограбив несколько итальянских торговых судов и получив богатый куш, они подарили республике будущее — теперь в её казне завелись деньжата! Художники, представители богемы, искатели приключений, анархисты (д'Аннунцио переписывался с Малатестой), беженцы и безродные космополиты, гомосексуалисты, щёголи в военной униформе (она была чёрного цвета и украшена изображением пиратского черепа с костями — позже эту символику присвоили СС) и полоумные реформаторы всех мастей (включая буддистов, теософов и индуистов) начали массово съезжаться в Фиуме. Вечеринка не прекращалась ни на минуту. Каждое утро д'Аннунцио выходил на балкон, чтобы декламировать оттуда стихи и зачитывать манифесты; каждый вечер — концерт и фейерверк по его окончании. Правительство целиком сосредоточилось на подобных занятиях. Спустя восемнадцать месяцев, когда в погребах иссякло вино, а в казне — валюта, и *наконец-то* в гавань вошёл итальянский флот, сделав несколько залпов в сторону Городского совета, энергии на сопротивление ни у кого уже не оставалось.

Впоследствии д'Аннунцио, как и многие итальянские анархисты, начал открыто симпатизировать фашистам — фактически на этот путь его заманил Муссолини (который сам когда-то был синдикалистом). А когда д'Аннунцио осознал свою ошибку, было уже слишком поздно: он был слишком стар и болен. Впрочем, Дуче всё равно решил его прикончить — скинув с балкона, — чтобы сделать из него «мученика». Что же касается республики Фиуме, несмотря на то, что в сравнении с Украиной или Барселоной ей явно недоставало *серьёзности*, возможно, она может гораздо большему научить нас в плане некоторых практических аспектов нашего проекта. В каком-то смысле, она являлась последней пиратской утопией (или, по крайней мере, являла собой её единственный современный пример) — быть может, в других отношениях она представляла собой нечто очень близкое к концепции современной ВАЗ.

На мой взгляд, если сравнить Фиуме с Парижским восстанием 1968 года (а также с итальянскими городскими столкновениями начала семидесятых) или с американскими контркультурными коммунами и их прототипами, создававшимися анархистами и новыми левыми, мы обнаружим между всеми ними некоторое сходство, которое заключалось, в

частности, в той важной роли, которая отводилась эстетической теории (ср. с ситуационистами), а также в том, что можно назвать «пиратским экономическим укладом», то есть обеспечением за счёт излишков общественного производства, и даже в популярности эффективной военной униформы, равно как и в признании революционного потенциала музыки, и, наконец, в общей для них атмосфере непостоянства, готовности в любой момент сняться с места, видоизмениться, перебазироваться в другие университеты, горные долины, гетто, на другие фабрики, конспиративные квартиры, заброшенные фермы — и даже в иные планы бытия. Ни в Фиуме, ни в Париже, ни в Милбруке никто не пытался провозгласить очередную Революционную диктатуру. Либо миру предстояло измениться, либо нет. А тем временем необходимо продолжать свой путь и *жить на полную катушку*.

В Мюнхенских советах (или «Баварской советской республике») 1919 года прослеживались некоторые черты ВАЗ, несмотря даже на то, что — как и в ходе любой революции — заявленные при этом цели отнюдь не задумывались как «временные». Благодаря участию Густава Ландауэра в качестве Министра культуры, Сильвио Гезелля в роли Министра экономики и других либертарных социалистов антиавторитарного и экстремистского толка, вроде поэтов и драматургов Эриха Мюзама и Эрнста Толлера или Рета Мерута (писавшего под псевдонимом Бруно Таверн), эта республика обладала отчётливым анархистским характером. Ландауэр, который прожил много лет в одиночестве, пытаясь объединить идеи Ницше, Прудона, Кропоткина, Штирнера, Мейстера Экхарта, радикальных мистиков и романтических фёлькиш-философов, с самого начала понимал, что Советская республика обречена; он надеялся только на то, что она просуществует достаточно долго, чтобы её механику можно было *понять*. Курт Эйсер, мученик и один из основателей Советской республики, достаточно недвусмысленно заявлял, что ядро революции должны составлять поэты и поэзия вообще. Предпринимались попытки реализации плана, согласно которому обширный участок Баварии отводился для экспериментов, целью которых было устройство анархо-социалистической экономики и социальной организации. Ландауэр предлагал проекты Свободных школ и Народного театра. Республику главным образом поддерживали беднейшие представители рабочего класса и богемные пригороды Мюнхена, а также группы вроде Вандерфогель (неоромантическое молодёжное движение), еврейские радикалы (как, например, Бубер), экспрессионисты и прочие маргиналы. По этой причине историки пренебрежительно называют её «Республикой кофеен» и склонны принижать её значимость в свете более широкой вовлечённости марксистов и спартакистов в революционные волнения, охватившие Германию после Первой мировой войны. В конечном счёте коммунисты переиграли Ландауэра, а солдаты, находившиеся под влиянием идей, распространяемых оккультно-фашистским обществом Туле, жестоко с ним расправились — и уже только поэтому он достоин того, чтобы почитать его как святого. Однако даже современные анархисты зачастую не способны понять глубину его мысли и склонны упрекать его за то, что он якобы «продался» «правительству социалистов». Если бы Советская республика продержалась ещё хотя бы один год, мы бы не могли сдержать слёз, вспоминая её красоту, — но прежде чем увяли самые первые цветы той Весны, сам *geist*, дух её поэтики был втопан в грязь — и выветрился из нашей памяти. Только вообразите, как дышалось бы в городе, где Министерство культуры только что объявило программу, согласно которой всем школьникам вскоре предстояло заучивать стихи Уолта Уитмена. Эх, будь у нас машина времени...

Версия #1

Зверобой создал 13 марта 2025 00:50:46

Зверобой обновил 13 марта 2025 00:52:05